

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта

Аннотация: *Введение.* Исследование посвящено совершенствованию процесса адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Актуальность работы обосновывается наличием высоких показателей повторной преступности поднадзорных лиц, обусловленной отсутствием постоянного источника дохода, низким уровнем образования, отсутствием профессии или необходимой квалификации, прекращением (разрывом) отношений, наличием алкогольных или наркотических зависимостей. Проблема заключается в необходимости совершенствования индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами и отсутствии целостного представления о методах её организации. Одним из этапов решения проблемы выступает изучение зарубежного опыта социальной адаптации поднадзорных лиц и концептуализации её теоретических оснований, определения предметной области, характеристик и параметров.

Методы исследования: теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации о подходах, теориях и концепциях адаптации поднадзорных лиц.

Результаты исследования. Показано, что основаниями зарубежных программ адаптации выступают социологические (структурно-функциональная и интеракционистская) теории и группа социально-психологических идей и концепций. Типичными направлениями адаптации поднадзорных лиц выступают: 1) восстановление социального функционирования, осуществляемое мерами правовой, социальной и психологической поддержки; 2) реинтеграция в виде контролируемого вовлечения в социальные отношения, существовавшие до назначения уголовного наказания; 3) социально-психологическая адаптация, направленная на противодействие криминализации, ресоциализацию и реабилитацию.

Выводы. Определяются возможности социального окружения в адаптации поднадзорных лиц. Отмечается, что оно обладает отсутствующими у субъекта материальными и социальными ресурсами, является источником экспертной информации, способно оказывать воспитывающее воздействие и психологическую поддержку. Обосновывается необходимость верификации выводов, дальнейшей операционализации характеристик социального окружения для объективной оценки его способности к осуществлению адаптации лиц, подвергнутых административному надзору.

Ключевые слова: административный надзор, социальная адаптация поднадзорных, психология противодействия рецидиву, психологические факторы превенции, профилактика преступности

Для цитирования: Злоказов К. В. Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 205–214; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-205-214.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psychol.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Social-psychological approach to the adaptation of persons under probation: a review of foreign experience

Abstract: Introduction. The research focuses on improving adaptation measures for offenders under probation. The relevance of the study is determined by the high rates of re-offending of supervised persons caused by the lack of a stable source of income, low level of education, absence of profession or necessary qualification, cessation (breakdown) of relationships, alcohol or drug addictions.

The *problem* consists in the fact that individual preventive work with supervised persons needs to be improved and that there is a lack of a systemic understanding of how it should be organised. One of the stages of solving the problem is the examination of foreign experience of social adaptation of supervised persons and conceptualisation of its theoretical foundations, definition of the subject area, characteristics and parameters.

Research methods: theoretical methods of cognition: generalisation, categorisation and systematisation of information on approaches, theories and concepts on the adaptation of administratively supervised persons.

Results. The author reasons that foreign adaptation programs are based on sociological (structural-functional and interactionist) theories and a group of socio-psychological ideas and concepts. Analysis of the programs also reveals the influence of national and cultural specificity on the organisation of work with supervised persons. The main directions of adaptation are: (1) restoration of social functioning of this category of persons, carried out by means of legal, social and psychological support, (2) reintegration in the form of controlled involvement into the social relationships existed before the criminal punishment; (3) social and psychological adaptation aimed at countering criminalisation, re-socialisation and rehabilitation.

Conclusions. The value of social environment in social adaptation of supervised persons is identified. This environment can offer material and social resources that the subject lacks, be a source of expert information, education and psychological support. The author substantiates the need to verify the findings by further operationalising the characteristics of the social environment in order to objectively assess its ability to implement the adaptation of persons subjected to administrative supervision.

Keywords: administrative supervision, social adaptation of supervised persons, psychology of resisting recidivism, psychological factors of prevention, crime prevention.

For citation: Zlokazov K. V. Social-psychological approach to the adaptation of persons under probation: a review of foreign experience // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 205–214; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-205-214.

Введение

Административный надзор предполагает оказание на определённую законом¹ категорию лиц профилактического воздействия, нацеленного на снижение риска совершения ими преступлений и правонарушений. Следует отметить, что содержание воздействия на поднадзорных лиц в настоящее время не конкретизировано, что позволяет его субъектам – сотрудникам органов внутренних дел – использовать широкий арсенал методов и средств [4]. Поскольку осуществление административного надзора не предполагает методически обоснованного воздействия на поведение, отношения и / или представления поднадзорных лиц, это, с учётом института административного принуждения [2], указывает на преобладание формальной стороны профилактики над содержательной. Конечно, современное состояние института

административного надзора способствует снижению правонарушений и преступлений поднадзорных лиц², однако представляется, что наличие научно обоснованных методов и средств индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами будет способствовать повышению её эффективности.

Обращение к социально-психологической методологии осуществления данной работы связано с тем, что эффективность административного надзора определяется на основе оценки образа жизни поднадзорного лица. Так, досрочное прекращение административного надзора допускается при соблюдении ряда условий, в том числе если поднадзорное лицо положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения³. Длительное проживание в ад-

¹ Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 06.02.2023).

² Так, количество лиц, совершивших повторные преступления за период январь–ноябрь 2022 г. снизилось на 2,2 %, из них ранее судимых – 1,1 %, однако в целом составило 58,6 % от количества выявленных лиц, совершивших преступления (цит. по «Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 года» – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 18.12.2022).

ном и том же месте, наличие работы и семьи, положительные отношения с социальным окружением и, безусловно, отсутствие преступлений и правонарушений являются результатом социально-психологической адаптации, полностью совпадающим с идеологией административного надзора. С учётом изложенного разработка социально-психологических методов оказания индивидуального профилактического воздействия на поднадзорных лиц будет способствовать их социальной адаптации, повышению уровня и качества жизни, а также снизит риск противоправных действий с их стороны.

Цель данной статьи – анализ зарубежных практик социально-психологической адаптации лиц, подвергнутых административному надзору или альтернативной ему формы контроля правоохранительных органов за поведением лиц, ранее совершивших преступление.

Задача исследования – описание социально-психологических оснований адаптации поднадзорных лиц. Данные основания рассматриваются как факторы, влияющие на результативность адаптации. Кроме того, делается попытка обобщения социально-психологических концепций, применяемых зарубежными правоохранительными органами для социальной адаптации поднадзорных лиц.

Методами исследования выступают теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации, в данном случае – о подходах, теориях и концепциях адаптации поднадзорных лиц.

Научная и практическая значимость данной работы заключается в разработке методов противодействия повторной (в том числе рецидивной) преступности, совершенствования постепенитенциарного сопровождения лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Структура статьи соответствует её цели и задачам.

Теоретическое изложение разделено на две части. В первой рассматриваются виды направленности воздействия на лиц, находящихся под административным надзором, во второй описываются социологические и социально-психологические факторы социальной адаптации поднадзорных, служащие основанием для организации работы с данной категорией лиц.

Теоретические предпосылки социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором

Разработанные в отечественной юридической психологии теоретические подходы к адаптации лиц, находящихся под административным надзором, имеют социальную и воспитательную направленность и в целом отражают идеологию и методы мер социального воздействия, присущих советской системе постепенитенциарного

сопровождения. Её признаки прослеживаются в деятельности подразделений ФСИН России, осуществляющих социальную адаптацию осуждённых.

Социальная направленность основывается на предположении о необходимости восстановления функционирования данной категории лиц в обществе. Под этим понимается создание условий для проживания, трудоустройства путём применения комплекса мер защиты прав и свобод осуждённых. Так, к примеру, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, уголовно-исполнительным инспекциям даны полномочия для оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильём, психологической и правовой помощи лицам, освобождённым от отбывания наказания условно-досрочно⁴. Социальная работа с осуждёнными осуществляется в различных формах, среди которых – восстановление социальных связей с родственниками, друзьями, коллегами и иными лицами, информирование и консультирование по правам данной категории лиц, особенностям и условиям нахождения в местах лишения свободы, трудоустройства, оформления (восстановления) документов и других направлений.

Воспитательный подход нацелен на коррекцию мировоззрения, ценностей, установок и убеждений поднадзорного лица, формирующей отношение к окружающей действительности и обществу. Воспитательная работа осуществляется в целях профилактики преступлений, а также предупреждения дальнейшей криминализации поднадзорных лиц. Её видами являются не только индивидуальные беседы, но и трудовая деятельность, обучение, участие в работе общественных и религиозных объединений. Воспитательная работа учреждений системы исполнения наказаний осуществляется комплексно, посредством сочетания различных её видов, а также с учётом индивидуальных склонностей осуждённых.

Важно отметить, что и социальный, и воспитательный подходы сопряжены в деятельности такого субъекта постепенитенциарного надзора, как уголовно-исполнительная инспекция. Однако вне её внимания остаются лица, состоящие под административным надзором, а функции социальной защиты и воспитательного воздействия не возлагаются на основных субъектов профилактической работы – участков уполномоченных полиции [1]. Поэтому для совершенствования индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами целесообразно проанализировать социально-психологические предпосылки их адаптации после отбывания уголовного наказания. Это

³ П. 2 ст. 9 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 06.02.2023).

⁴ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_oc_LAW_383610/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения : 20.12.22).

позволит выявить факторы и условия, способствующие восстановлению социального функционирования поднадзорных лиц.

С этой целью в статье анализируются социологические и социально-психологические подходы к социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Социологические аспекты адаптации рассматриваются через призму структурно-функциональной и интеракционистской теорий, тогда как социально-психологические факторы используются в концепциях ресоциализации, основанных на эклектических теориях социального взаимодействия. Рассмотрим их последовательно, фокусируясь на теоретических основаниях и их практическом воплощении.

Структурно-функциональный и интеракционистский подходы к адаптации поднадзорных лиц

В рамках структурно-функционального подхода адаптация поднадзорных лиц нацелена на восстановление их функционирования посредством социально-структурных изменений. Поскольку последствия уголовного наказания ухудшают возможности данной категории лиц в построении желаемого образа жизни и удовлетворении потребностей, уровень их маргинализации усиливается. Об этом свидетельствуют трудности в трудоустройстве, в том числе обусловленные ограничением видов деятельности, которыми может заниматься поднадзорное лицо. Кроме того, нахождение в исправительных учреждениях приводит к разрыву связей с социальным окружением, распаду семей, утрате дружеских отношений и другим негативным последствиям.

Исследователи отмечают, что возвращение к жизни в обществе после отбывания уголовного наказания для этой категории лиц требует создания специальных условий и изменений в структуре его социального взаимодействия. Со структурно-функциональной точки зрения адаптация лиц, отбывших наказание или находящихся под надзором, всецело зависит от комплекса экономических, социальных и индивидуально-психологических возможностей вести правопослушный образ жизни. Для обозначения этих возможностей используется понятие «капитал» и рассматриваются три его разновидности – человеческий, социальный и структурный [10]. Объём капитала сопоставляется с рисками криминализации, которые оцениваются для каждого лица индивидуально. К рискам относятся половозрастные характеристики, длительность отбывания наказания, а также выраженность асоциальной направленности, подверженность различным видам зависимостей, влияние асоциального окружения, отсутствие постоянных источников дохода и занятости.

Методика социальной адаптации заключается в реструктурировании взаимодействия с обществом, способствующем увеличению разных характеристик капитала и снижению

влияния рисков. С этой целью, к примеру, в Великобритании используются различные формы правовой, социальной и психологической поддержки, облегчающие взаимодействие по наиболее проблемным вопросам проживания, устройства на работу, получения медицинской помощи и иных мер адресной поддержки [7].

Исследователи отмечают, что наиболее сложной задачей адаптации бывших осуждённых является восстановление их социальной репутации.

Представители структурно-функционального подхода предлагают различные способы повышения социального статуса лица, отбывшего наказание. Рассматриваются такие действия, как признание за индивидом изменений в социальном поведении путём «демаркирования» или «сертификации декриминализации». По их мнению, признание «исправления» социального поведения должно облегчить социальное взаимодействие, сняв тем самым препятствия в проживании, трудоустройстве и иных аспектах удовлетворения своих потребностей. Ещё одним способом повышения социального статуса лиц, отбывших уголовное наказание, становится освоение разных видов профессиональной деятельности. Один из разработчиков этого метода адаптации Д. Дж. Мартинез отмечает, что разнообразие профессий повышает шансы бывших осуждённых на социальную адаптацию, поскольку способности и умения выступают в качестве источника социального капитала, облегчают установление новых социальных связей и, в целом, повышают их социальный статус [13].

Представители интеракционистского подхода рассматривают социальную адаптацию данной категории лиц как способ частичного либо полного изменения выполняемой ими социальной роли. Опираясь на идею Э. Гоффмана об исправительных учреждениях как «тотальных институтах» (местах проживания и работы групп людей, изолированных от общества на значительное время, которые проводят большую часть своей жизни в закрытом и формально управляемом режиме), исследователи отмечают, что адаптация должна не только закрепить требуемую обществом ролевую модель поведения, но и устранить негативные последствия длительного нахождения в исправительном учреждении [6].

Реализация интерактивной модели осуществляется посредством реинтеграции. Одним из примеров выступает канадская модель, предполагающая последовательное контролируемое освобождение лиц, отбывающих наказание [12]. В ней используются такие виды условно-досрочного освобождения, как временное отсутствие, дневное и полное условно-досрочное освобождение. Если временное отсутствие предполагает перемещение под контролем сотрудника службы исполнения наказания по ограниченному перечню оснований, то дневное условно-досрочное освобождение обязывает лишь к ночному нахождению в исправительном учрежде-

нии. Полное условно-досрочное освобождение снимает и это ограничение.

Исследователи отмечают, что адаптация методом реинтеграции эффективнее модели «подготовки к освобождению» в стенах исправительного учреждения [15]. Осуждённые склонны поддерживать отношения, существовавшие до отбывания наказания, и использовать их для решения жизненных проблем, восстановления привычного образа жизни. Возможность контактов с близкими им людьми поддерживает отношения, а постепенное и контролируемое включение способствует прекращению криминальных связей. Конечно, реализация программы реинтеграции сложнее, чем подготовка к освобождению. Она требует решения ряда задач (обладание полной и объективной информацией о личности и социальном окружении поднадзорного лица, разработку методики и процедуры оценки риска криминального поведения, подготовки сотрудников, осуществляющих надзор). Вместе с тем подобная модель имеет ряд преимуществ, поскольку обеспечивает закрепление социально-приемлемого ролевого поведения, не нарушая, а реконструируя систему взаимодействия поднадзорного лица с его окружением.

В целом социологические концепции адаптации фокусируются на восстановлении социального функционирования лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Основные усилия направлены на обеспечение трудоустройства, получение образования, восстановление отношений с родственниками и членами семьи. При этом социологические концепции не уделяют внимания субъективным факторам адаптации, среди которых главенствующую роль играет отношение поднадзорных лиц к уголовному наказанию, последствия его переживания, сказывающиеся на восприятии себя, своей жизни, окружающих людей и общества в целом. Рассмотрению этих аспектов посвящён следующий раздел статьи.

Социально-психологические концепции адаптации поднадзорных лиц

В зарубежной науке социально-психологические концепции адаптации представляют собой разнородную по характеру целей, методов и средств их достижения область. Различия между ними обусловлены в первую очередь национальными и культурными особенностями организации постпенитенциарного сопровождения поднадзорных лиц, во вторую – теоретическими и методологическими основаниями концепций.

Несмотря на существенные различия, эффективность концепций оценивается объективно, исходя из силы воздействия, оказываемого на мировоззрение, ценности, установки, убеждения и представления поднадзорных лиц с учётом, конечно, социально-экономических

и правовых условий, создаваемых для этой категории лиц⁵.

Показателями эффективности адаптации в большинстве стран выступает снижение повторной преступности данной категории лиц, однако в ряде национальных программ оценивается качество жизни и удовлетворённость ею. Поэтому в рамках статьи рассматриваются концепции, преследующие две группы целей: а) противодействие криминализации поднадзорных лиц; б) ресоциализацию и реабилитацию, обеспечивающие адаптацию к обществу и косвенным образом обеспечивающие качество жизни.

Противодействие криминализации направлено на снижение повторной преступности поднадзорных лиц. В зарубежной исследовательской литературе обозначается несколько направлений, среди которых распространение получили концепции, эксплуатирующие проявления страха перед последствием уголовного наказания. К ним относятся: опасение за собственную жизнь и здоровье; страх разрыва отношений с родителями и родственниками; страх отчуждения, обусловленный социальными представлениями об опасности преступников и установками на разрыв отношений с ними; чувство стыда, обусловленное признанием преступником.

Несмотря на внешнюю схожесть, психологические предпосылки страхов существенно различаются. Страхи эгоистического вида (за себя, свою жизнь, здоровье или будущее), основанные на потребности в собственной безопасности, следует ограничивать от страхов социоцентрического вида (за других людей, в первую очередь родственников и близких), возникающих на основе осознания значимости социального существования [5]. Наиболее сложным по природе формирования является страх репутации, проявляющийся в чувстве стыда перед другими людьми за совершенные действия. Исследования показывают, что формирование чувства вины и раскаяния статистически снижает вероятность совершения повторного преступления [9]. При этом следует отметить, что влияние страха опосредовано возрастом, полом и социально-культурными особенностями, а его проявление может варьироваться в зависимости от индивидуальных сочетаний этих переменных.

Чувство страха используется в психологических программах противодействия повторной преступности. К примеру, предложенная Р. Патерностером и С. Бушвеем концепция использует страх преступника за своё будущее в качестве основания для отказа от совершения преступлений [18]. Предлагая преступнику изменить свое представление о себе и представить просоциальный образ своего существования взамен криминального, исследователи добиваются признания бесперспективности преступного существования. По сведениям Л. Лью и Р. Бачмана, отказ от преступного образа жизни посредством изменения отношения к себе

⁵ Подробный анализ будет представлен в специальной работе «Социально-психологическая адаптация лиц, подлежащих административному надзору», готовящейся в настоящее время к опубликованию.

оказывает положительное влияние на различные стороны социального функционирования – от повышения продолжительности ведения просоциального образа жизни до коренных изменений – образования семьи, рождения детей, освоения новой профессии [11].

Альтернативное направление противодействия криминализации нацелено на развитие возможностей социального функционирования. Так, концепция «сопротивления криминализации», разработанная Ф. МакНейлом, базируется на предположении о том, что потребность в принадлежности к социальной группе, а также потребность получения знаний и навыков являются ведущими побуждениями к правопослушному образу жизни. Социально-психологическими ресурсами реализации этих потребностей выступают личностная зрелость, умение образовывать межличностные отношения, формировать просоциальный образ собственной жизни [17].

Значение данных компонентов обосновано следующими соображениями. Возраст и личностная зрелость влияют на способность индивида выбирать между законным и противозаконным действием, оценивать последствия своих деяний для себя и окружающих. Социальные отношения связывают преступника с окружающими его людьми, в первую очередь, с семьей, друзьями, социальными группами или институтами, усиливая просоциальную направленность его поведения.

Наконец, просоциальное представление о себе (образ Я) соответствующим образом регулирует отношения индивида с окружающими его людьми и обществом. Как показывает Ш. Маруна, преступники, отказавшиеся от продолжения антиобщественного образа жизни, имели ясное и целостное представление о себе и своём будущем, тогда как преступники, повторно совершившие преступление, имели размытое и противоречивое мнение о себе, не задумывались о своём будущем [14].

Таким образом, противодействие криминализации поднадзорных лиц социально-психологическими методами нацелено на формирование и усиление просоциальной части социального окружения, развитие соответствующих социальных связей.

Концепции ресоциализации и реабилитации

Концепции ресоциализации и реабилитации представляют собой комплекс мер социально-психологического воздействия на осуждённых, а также лиц, отбывших наказание и находящихся под административным надзором.

В зарубежной практике работы с этой категорией лиц выделяется несколько направлений деятельности: личностная ресоциализация и реабилитация (приобретение новых умений и навыков или восстановление имевшихся), правовая (реинтеграция в сообщество через восстановление в правах), моральная (символическое возмещение ущерба через признание

вины перед потерпевшим), социальная (подготовка к выполнению функций в семье, трудовом коллективе, занятии общественной деятельностью). Данные направления являются основными, но в то же время, не исключают других, вторичных по отношению к ним направлений.

Следует отметить, что ресоциализация и реабилитация у зарубежных исследователей нередко рассматриваются взаимозависимыми частями социальной адаптации. В ряде работ ресоциализация описывается в качестве процесса интеграции индивида в общество, тогда как реабилитация выступает одной из её стадий. Нередко ресоциализация рассматривается как результат коррекционно-реабилитационного воздействия на определённую категорию лиц, чаще – осуждённых за совершение серийных насильственных преступлений. Подобная терминологическая многозначность обусловлена национальными подходами к работе с осуждёнными и лицами, совершавшими преступные деяния.

Термин «ресоциализация» применяется в концепциях, признающих преступление следствием социальных дисфункций, а ресоциализирующее воздействие предполагает устранение недостатков воздействия дефектного социального окружения.

Термин «реабилитация» подразумевает, что совершение преступления обусловлено нарушениями на личностном или микрогрупповом уровне, искажившими способность индивида удовлетворять потребности социально приемлемым способом. Реабилитация заключается в формировании новых или восстановлении нефункционирующих психологических механизмов регуляции поведения.

Программы ресоциализации реализуются в виде социально-психологического тренинга, вырабатывающего отсутствующие либо неполностью проявляющиеся социально-значимые знания, умения и навыки. К примеру, в сингапурскую модель ресоциализации входят тренинги просоциального мышления, управления гневом и эмоциями, противодействия приёму психоактивных веществ, управлению насилием, превенции сексуальных преступлений [19]. Оценка их эффективности показывает, что обучение межличностным навыкам, индивидуальное структурированное консультирование и коррекция поведения снижают количество повторных преступлений до 40 % [16].

Программы реабилитации направлены на устранение негативного воздействия условий отбывания наказания, влияния других осуждённых и криминального окружения. Ими выступают «деиндивидуализация» – снижение самостоятельности решений и поступков; «дискультурация» – потеря ценностей и установок, существовавших до заключения, «изоляция» – отсутствие социального взаимодействия с внешним миром; «отчуждение» из-за потери способности к адаптации вследствие однородности и бедности социального пространства исправительного учреждения, монотонного

и медленного ритма жизни лиц, отбывающих наказание [6]. Они осуществляются в форме индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий, наиболее эффективным методом проведения которых выступают когнитивно-поведенческие тренинги. Оценка программ реабилитации, выполненная Дж. Фолк с коллегами, свидетельствует об их способности снижать до 30 % риск повторной преступности [8].

Обсуждение результатов

Проведённый анализ показал, что зарубежные практики адаптации осуждённых основываются на работе с социально-структурными и социально-психологическими характеристиками поднадзорных лиц. Проблемы адаптации описываются зарубежными исследователями в виде совокупности нарушений социального функционирования, существовавших на момент совершения преступления и отчасти выступивших его предпосылками. Среди них выделяется низкий уровень дохода при высоком уровне потребностей, отсутствие постоянного места работы и образования, наличие аддикций, сниженный волевой контроль, дефекты саморегуляции, отсутствие социальных связей, обеспечивающих поддержку и помощь.

Данные проблемы не решаются, а зачастую усугубляются в период отбывания наказания и пребывания в исправительных учреждениях. Отягчающими факторами являются субкультура осуждённых, а также криминальная субкультура, формирующая эгоцентрическое и иждивенческое мировоззрение поднадзорных лиц, пропагандирующих маргинальный, антиобщественный образ жизни.

Под влиянием насаждаемой ими эгоистической и гедонистической направленности, безответственности и попустительства, пропаганды криминального образа жизни искажается представление о социальных отношениях, прерываются связи с родственниками, членами семьи, близким неформальным окружением. В результате отдельные лица после завершения срока отбывания наказания в период нахождения под административным надзором не прилагают усилий для адаптации, рассматривая себя как жертву несправедливого и предвзятого отношения со стороны окружающих, общества и власти.

Можно констатировать, что проблема адаптации обусловлена не только объективно возникающими трудностями, но и субъективными представлениями иждивенчески-эгоистической природы. Как следствие, задачами социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором, могут выступать не только обеспечение источника дохода (трудоустройство), организация проживания и получения профессиональной квалификации, но и решение социально-психологических проблем. К ним относятся восстановление связей и отношений с социальным окружением, налаживание межличностного взаимодействия с родственниками, членами семьи, неформаль-

ным окружением, формирование альтруистических и просоциальных убеждений и представлений. Можно прийти к выводу, что стратегия адаптации данной категории лиц должна быть направлена на развитие социального взаимодействия.

С учётом значения социального окружения в противодействии криминализации и обеспечении социального функционирования можно рассмотреть его в качестве ключевого фактора социальной адаптации. К основным функциям окружения, способствующим адаптации можно отнести:

- ресурсную, выражающуюся в предоставлении средств и возможностей удовлетворения потребностей в жилье, пище и других жизненных нуждах;
- информирующую, обеспечивающую сбор, обобщение и передачу сведений о проблемных вопросах социальной интеграции (проживании, трудоустройстве, образовании, получении квалификации и др.);
- воспитательную, заключающуюся в закреплении моральных принципов и нравственных оснований взаимодействия с другими людьми и обществом в целом;
- психологическую, формирующую установки на преодоление проблем адаптации к новым условиям жизни, преодоление жизненных трудностей.

Рассмотрение окружения поднадзорного лица в качестве фактора адаптации целесообразно начать с оценки его способности выполнять эти функции. С практической точки зрения это подразумевает выявление возможностей лиц, которые его составляют, оказывать указанные виды воздействия.

Сложность изучения социального окружения заключается в том, что оно является квазигруппой, участие в которой люди принимают на основании собственных представлений. Некоторые члены этой группы могут не взаимодействовать друг с другом, или вовсе быть неизвестными. Наиболее стабильной частью этой группы является т. н. «ближайшее социальное окружение», образованное по признакам родства, семейственности или интенсивного взаимодействия.

Таким образом, даже определение лиц, составляющих социальное окружение субъекта, представляет собой методическую проблему. Нами предполагается, что основанием для его построения может выступать критерий субъективного отношения, устанавливающий принадлежность людей к окружению в зависимости от характера социальной связи между ними и субъектом.

Этим же способом могут быть оценены характеристики социального окружения. Ими, по

⁶ Злоказов К. В. Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 225–233. DOI 10.35750/2071-8284-2022-1-225-233.

нашему мнению, выступают: а) ресурсы, которые могут применяться для оказания помощи и поддержки; б) межличностные отношения между поднадзорным лицом и участниками его социального окружения; в) возможности лиц, включённых в социальное окружение, изменять свое отношение, поведение под влиянием его субъекта.

Данные характеристики формируют потенциал помощи и поддержки социального окружения, показывают его влияние на самого субъекта (его представления, убеждения, установки) а также позволяют установить готовность к соучастию окружающих лиц. Возможности адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются способностями к осуществлению ресурсной, воспитательной, психологической, информизирующей функций.

Минимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение, не имеющее ресурсов, которые могут быть использованы для оказания помощи и поддержки; характеризующееся негативными межличностными отношениями, ухудшающими социальное самочувствие и искажающими представления субъекта; не принимающими участия в жизни субъекта.

Максимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение, располагающее ресурсами для предоставления поддержки и оказания помощи, позитивным межличностным отношением к субъекту, готовностью принимать участие в жизни субъекта.

С учётом изложенного можно заключить, что возможность адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются, с одной стороны, ресурсами его участников, а с другой, отношениями, которые обеспечивают передачу, перераспределение и исполь-

зование данных ресурсов субъектом. Эта особенность обозначает зависимость между успешной социальной адаптацией и способностью лиц, находящихся под административным надзором, устанавливать гармоничные отношения с близкими людьми, обладать определённым уровнем морально-нравственного развития и личностной зрелости для образования межличностных отношений необходимого качества.

Заключение

В статье рассмотрены социально-психологические аспекты организации работы по социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором. На материале отечественной практики и зарубежных научных исследований показано, что предметом адаптации выступает восстановление социального функционирования поднадзорных лиц. Описываются возможности социального окружения в их адаптации, показана его роль и значение в декриминализации, снижении уровня повторной преступности. Описываются функции социального окружения, способствующие адаптации, рассматриваются показатели, позволяющие измерять и оценивать потенциал социального окружения по социальной адаптации конкретных лиц.

Полученные результаты в виде описания функций, показателей и критериев социального окружения нуждаются в дальнейшей верификации, в том числе операционализации. С этой целью дальнейшая работа будет направлена на проверку положений посредством их экспертного оценивания, разработку эмпирического инструментария оценки характеристик социального окружения поднадзорных лиц.

Список литературы

1. Аврутин Р. Ю., Фомин А. А., Фомина Т. Ф. О некоторых проблемах проведения профилактической работы участками уполномоченными полиции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (69). – С. 64–68.
2. Каплунов А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 3 (254). – С. 118–126.
3. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Административно-правовые аспекты установления административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы // Научный портал МВД России. – 2013. – № 4 (24). – С. 73–79.
4. Холманский В. И. Что мешает взаимодействию полиции и уголовно-исполнительных инспекций в борьбе с ростом рецидивной преступности в обществе? / В. И. Холманский, Т. В. Стульнова // Юридическая наука и практика: история и современность : сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Рязань, 05 июня 2013 года / Филиал МИГУП в Рязанской области; Ответственный редактор И. В. Пантюхина. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2013. – С. 243–250.
5. Allen D. F., D'Alessandro M. F., Bethell K. A resocialization intervention model in the prison – the family: people helping people project // Sociology International Journal. – 2017. – Vol. 1(4). – pp. 113–119. DOI: 10.15406/sij.2017.01.00019.
6. Esposito M. The Rehabilitation Role of Punishment in Prisons in Italy. Theoretical Development and Sociological Considerations // Sociology Mind. – Vol. 4. – 2014. – pp. 183–191. DOI: 10.4236/sm.2014.42018.
7. Faulkner D. The new shape of probation in England and Wales: Values and opportunities in a changing context // Probation Journal. – Vol. 55 (1). – 2008. – pp. 71–83. DOI: 10.1177/0264550507088684.

8. *Folk J. B., Disabato D. J., Daylor J. M., Tangney J. P., Barboza S., Wilson J. S., Bonieskie L., & Holwager J.* Effectiveness of a self-administered intervention for criminal thinking: Taking a chance on change // *Psychological Services*. – Vol. 13 (3). – 2016. – pp. 272–282. DOI: 10.1037/ser0000079.
9. *Friedrich W.* What Makes People Reoffend? Predictors of Reconviction – A 2-year Longitudinal Study // *Deviant Behavior*. – July, 2022. – pp. 1–17. DOI: 10.1080/01639625.2022.2095238.
10. *Gough D. & Coghlan M.* Understanding Reoffending: Push factors and Preventative Responses. – University of Portsmouth, 2022. – 94 pp.
11. *Liu L., Bachman R.* Self-identity and persistent offending: a quantitative test of identity theory of desistance // *Journal of Offender Rehabilitation*. – Vol. 60 (5). – 2021. – pp. 341–357. DOI: 10.1080/10509674.2021.1931623.
12. *MacKenzie C., Amirault J.* From Incarceration to Reintegration: Using the Human Services Model to Manage Canadian Prisoner Mental Health // *Journal Correction Health Care*. – Vol. 27 (1). – 2021. – pp. 66–70. DOI: 10.1089/jchc.19.05.0046.
13. *Martinez D. J.* Role accumulation theory and prisoner reintegration: The pursuit of transformative social roles // *Probation Journal*. – Vol. 57 (2). – 2010. pp. 139–151. DOI:10.1177/0264550510362560.
14. *Maruna S.* Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington DC. – American Psychological Association Books. – 2001. – 211 p.
15. *Maruna S.* 'Going Straight: Desistance from Crime and Self-Narratives of Reform' // *Narrative Study of Lives*. – Vol. 5. – 1997. – pp. 59–93.
16. *McGuire J.* Integrating Findings from Research Reviews // *Offender Rehabilitation and Treatment: Effective Programmes and Policies to Reduce Reoffending*. – New York: J. Wiley, 2002. – 394 pp.
17. *McNeill F.* A desistance paradigm for offender management // *Criminology and Criminal Justice*. – Vol. 6(1). – 2006. – pp. 39–62.
18. *Paternoster R. & Bushway S.* Desistance and the “feared self”: Toward an identity theory of criminal desistance // *Journal of Criminal Law and Criminology*. – Vol. 99. – 2009. – pp. 1103–1156.
19. *Tang S.* Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders. Resource Material Series. – Vol. 82. – Tokyo, Japan: UNAFEI, December, 2010. – pp. 41–51.

References

1. *Avrutin R. Yu., Fomin A. A., Fomina T. F.* O nekotorykh problemakh provedeniya profilakticheskoy raboty uchastkovymi upolnomochennymi politzii // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2022. – № 3 (69). – S. 64–68.
2. *Kaplunov A. I.* O ponyatii administrativnogo prinuzhdeniya kak otraslevogo vida gosudarstvennogo prinuzhdeniya // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. – 2004. – № 3 (254). – S. 118–126.
3. *Kholmanskiy V. I., Stul'nova T. V.* Administrativno-pravovyye aspekty ustanovleniya administrativnogo nadzora za litsami, osvobodivshimisya iz mest lisheniya svobody // *Nauchnyy portal MVD Rossii*. – 2013. – № 4 (24). – S. 73–79.
4. *Kholmanskiy, V. I.* Chto meshayet vzaimodeystviyu politzii i ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsiy v bor'be s rostom retsidivnoy prestupnosti v obshchestve? / V. I. Kholmanskiy, T. V. Stul'nova // *Yuridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost' : sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 05 iyunya 2013 goda / Filial MIGUP v Ryazanskoy oblasti; Otvetstvennyy redaktor I.V. Pantyukhina*. – Ryazan': Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Kontseptsiya», 2013. – S. 243–250.
5. *Allen D. F., D'Alessandro M. F., Bethell K.* A resocialization intervention model in the prison – the family: people helping people project // *Sociology International Journal*. – 2017. – Vol. 1(4). – pp. 113–119. DOI: 10.15406/sij.2017.01.00019.
6. *Esposito M.* The Rehabilitation Role of Punishment in Prisons in Italy. Theoretical Development and Sociological Considerations // *Sociology Mind*. – Vol. 4. – 2014. – pp. 183–191. DOI: 10.4236/sm.2014.42018.
7. *Faulkner D.* The new shape of probation in England and Wales: Values and opportunities in a changing context // *Probation Journal*. – Vol. 55 (1). – 2008. – pp. 71–83. DOI: 10.1177/0264550507088684.
8. *Folk J. B., Disabato D. J., Daylor J. M., Tangney J. P., Barboza S., Wilson J. S., Bonieskie L., & Holwager J.* Effectiveness of a self-administered intervention for criminal thinking: Taking a chance on change // *Psychological Services*. – Vol. 13 (3). – 2016. – pp. 272–282. DOI: 10.1037/ser0000079.
9. *Friedrich W.* What Makes People Reoffend? Predictors of Reconviction – A 2-year Longitudinal Study // *Deviant Behavior*. – July, 2022. – pp. 1–17. DOI: 10.1080/01639625.2022.2095238.
10. *Gough D. & Coghlan M.* Understanding Reoffending: Push factors and Preventative Responses. – University of Portsmouth, 2022. – 94 pp.
11. *Liu L., Bachman R.* Self-identity and persistent offending: a quantitative test of identity theory of desistance // *Journal of Offender Rehabilitation*. – Vol. 60 (5). – 2021. – pp. 341–357. DOI: 10.1080/10509674.2021.1931623.
12. *MacKenzie C., Amirault J.* From Incarceration to Reintegration: Using the Human Services Model to Manage Canadian Prisoner Mental Health // *Journal Correction Health Care*. – Vol. 27 (1). – 2021. – pp. 66–70. DOI: 10.1089/jchc.19.05.0046.
13. *Martinez D. J.* Role accumulation theory and prisoner reintegration: The pursuit of transformative social roles // *Probation Journal*. – Vol. 57 (2). – 2010. pp. 139–151. DOI:10.1177/0264550510362560.

14. *Maruna S.* Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington DC. – American Psychological Association Books. – 2001. – 211 p.
15. *Maruna S.* 'Going Straight: Desistance from Crime and Self-Narratives of Reform' // *Narrative Study of Lives.* – Vol. 5. – 1997. – pp. 59–93.
16. *McGuire J.* Integrating Findings from Research Reviews // *Offender Rehabilitation and Treatment: Effective Programmes and Policies to Reduce Reoffending.* – New York: J. Wiley, 2002. – 394 pp.
17. *McNeill F.* A desistance paradigm for offender management // *Criminology and Criminal Justice.* – Vol. 6(1). – 2006. – pp. 39–62.
18. *Paternoster R. & Bushway S.* Desistance and the “feared self”: Toward an identitytheory of criminal desistance // *Journal of Criminal Law and Criminology.* – Vol. 99. – 2009. – pp. 1103–1156.
19. *Tang S.* Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders. Resource Material Series. – Vol. 82. – Tokyo, Japan: UNAFEI, December, 2010. – pp. 41–51.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted January 5, 2023; approved after reviewing February 7, 2023; accepted for publication March 1, 2023.